

ва. Н. являлась фактическим издателем ж. «Петербургские вечера», на страницах которого появлялись и ее произведения.

В окт. 1918 Н. эмигрировала во Францию, где продолжала заниматься лит. трудом (романы «**Правда о семье моей жены**», 1922; «**Записки Романа Васильевича**», 1922). Лучшим, по мнению критики, считается трилогия «**Река времен**» (1924–26), где нашла отражение тема масонства как духовного самосовершенствования.

Однако и в эмигрантский период Г. Струве относит творчество Н. к дамской, «более или менее бульварной» беллетристике, указывая, что ее романы выходили главным образом в Риге; вероятно, на них «был тайный спрос и в Советском Союзе» (Струве Г.—С. 96). В Париже Н. и ее муж — члены масонских лож (см.: Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986), Н. занимается написанием труда по герметической философии.

Соч.: Гнев Диониса / послесл. М. В. Михайловой. М., 1994; Гнев Диониса / вступ. статья С. Савицкого. СПб., 1994.

Лит.: Чуковский К. Дневники. 1930–1969. М., 1994. С. 436–437; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. М., 1996. С. 96; Dalton M. A Russian bestseller in the early twentieth century: E. A. Nagrodskaya // Studies in Russian Literature. In Honor of Vsevolod Setchkarev. Columbus, 1986; Грачева А. Русское нищенство и женский роман начала XX в. // Slavica Tampereusia II. Tampere, 1994. P. 77–87.

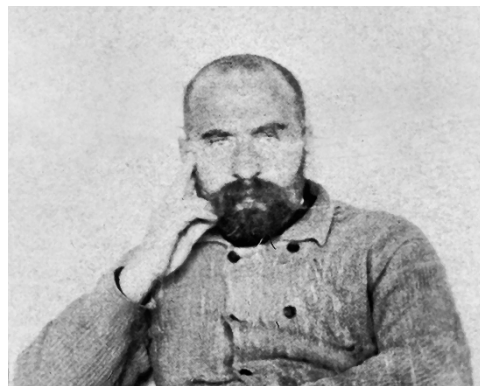
О. А. Кузнецова

НАЖИВИН Иван Федорович [25.8(6.9).1874, Москва — 5.4.1940, Брюссель] — прозаик.

Сын богатого лесопромышленника из крестьян. Детство в значительной части прошло в д. Буланово под Владимиром, откуда вышел «крестьянский род» писателя (эти места описаны Н. Н. Златовратским в его очерках «Деревенские будни» и «Красный куст», где, кстати, упоминается и родная тетка Н.). Учился в средней школе, из которой на 7-м году обучения был исключен, дальнейшее образование продолжал самостоятельно. В молодые годы долгое время проводит за границей. Первая публикация в ж. «Природа и охота» (1892), печатается затем в ж. «Русское богатство», «Русская мысль», «Образование», «Ж. для всех». Свои позиции начального периода творчества Н. позже определил как «левые». Первыми книгами рассказов и очерков («**Родные картинки**», 1900; «**Убогая Русь**», 1901; «**Перед рассветом**», 1902; «**Дешевые люди**» и «**Среди**

могил», обе — 1903) Н. заявил о себе как о народнике и толстовце. «Главный герой мой — русский народ», — выскажется он позже об основном направлении своего творчества доэмигрантского периода (**Записки о революции**. Вена, 1921. С. 5). Происходит и личное сближение с Л. Н. Толстым, обаяние личности и этическое учение которого оставляют глубокий след в произведениях Н. Толстому как учителю жизни посвятит он позже книги «**Из жизни Л. Н. Толстого**» (1911), «**Неопалимая купина: Душа Толстого**» (Тяньцзинь, 1936).

С революцией 1905 идейные позиции Н. меняются: из «левого» он превращается в «умеренного» и считает, что с нее «началось великое нравственное падение русского народа», ему становится понятной «вся жалкая бессмыслица надежды улучшить жизнь людей посредством резни или речей всяких «орателей» (**Моя исповедь**. М., 1912. С. 24). Отношение Н. к происходящим в России в начале XX в. событиям находит выражение в его первом большом романе «**Менэ... Тэкел... Фарес...**» (1907, заглавием взяты таинственные слова, появившиеся на стене дворца вавилонского царя Валтасара и разгаданные истолкователем как предупреждение: «Бог исчислил царство твое, оно взвешено на весах и разделено» — Ветхий Завет. Даниил. 5:25–28) — о жизни в России и Западной Европе русского интеллигента, разочаровавшегося в идеалах прогресса, в социальной борьбе и находящего истину в религиозно-сектантских воззрениях патриархального крестьянства. После событий 1905–07 Н. глубоко заинтересовывается религиозными учениями разных стран — от индусской «Кармы-Йоги» Вивекананды (которую переводит) и персидских бабидов до русских духоборов-свободников, результатом чего становится книга «**Голоса народов. Вы-**

И. Ф. Наживин

пуск I» (1908), а также переводит и издает западных философов-социологов и экономистов Э. Карпентэра, Э. Джорджа и др. На вышедшую в 1912 книгу Н. «Моя исповедь» отзывается М. Горький, назвавший его «автором весьма недурных рассказов» и подвергший саму книгу критике за содержащееся в ней отрицание цивилизации и западной культуры, равно как и за некоторый нигилизм по отношению к русской лит-ре (Издалека // Современник. 1912. № 11).

Революцию 1917 Н. встречает резко отрицательно. С началом Гражданской войны примыкает к Добровольческой армии и принимает участие (как И. Бунин, Е. Чириков, С. Кречетов и др.) в деятельности Освага (отдела агитации и пропаганды при Особом совещании). В 1920 вместе с семьей (жена, дочери) эвакуируется из Новороссийска в Болгарию, затем проживает в Австрии, Югославии (Новый Сад), Германии и с 1924 до конца жизни — в Бельгии. Первая книга в эмиграции — «Записки о революции» (Вена, 1921), здесь он окончательно осуждает «левых деятелей» с их крушением иллюзий и банкротством, добившихся революции, которая оказалась «насквозь безграмотной, дьявольски жестокой». Автор не сомневается в неизбежной гибели России: «А что, если мы и в самом деле умираем, сходим в вечность и что через некоторое время развалины наших храмов будут посещаться туристами новых стран, которые еще не родились, и над Василием Блаженным или Московским Кремлем они будут мечтательно грустить о бренности всего земного?» В том же 1921 выходит его книга **«Во мгле грядущего: фантастические повести будущего»** (Вена), первая повесть которой **«Искушение в пустыне»** представляет собой коммунистическую антиутопию. На необитаемый остров привозятся из лондонской тюрьмы находившиеся там коммунисты с целью создания ими здесь, при полной свободе действия, справедливого общества. Ничего, однако, из этого не получается: начинается раскол, саботаж, преследование «врагов коммуны», расстрелы за «контрреволюционный образ мышления»; борьба вскоре приводит вместо чаемого земного рая к «чрезвычайке». В итоге, как отмечал рецензент, «благоразумные коммунисты возвращаются в лоно буржуазной государственности. Финал поистине трогательный. Вставший на путь истины коммунист любовно мечтает построить на „Горе великого разума“ ресторан. Вечер тих. Музыка играет „Good save the king“ — „Боже, царя храни“ (Иванов Ф. // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 12).

Книги, издаваемые Н. в первые годы эмиграции, носят глубокую печать лично им пережитого, что обычно акцентируется и их неизменными подзаголовками: **«Среди потухших маяков: Из записок беженца»** (Берлин, 1922); **«Накануне: Из моих записок»** (Вена, 1923); **«Обломки: Роман из жизни русского беженства»** (Париж, 1924); **«Фатум: Беженский роман»** (Париж, 1927); **«Прорва: Беженский роман»** (Рига, 1928). В первом из них мысль автора вновь и вновь обращается к брошенной на произвол судьбы России: «Плещет Франция, пылает огнями безумия Россия, сопит обожравшаяся золотом всего мира Америка, шлет свои броненосцы и полки во все концы мира Англия, корчится в муках голода Австрия, задыхается под тяжестью победителя Германия. О, аферисты... О, подлецы... И мы хотим призывать их к спасению человека в России». Некоторое время Н. примыкает к монархистам, присутствует на съезде русских фашистов в Рейхенгалле (Бавария), однако затем отходит от этого движения, окончательно убеждаясь, что «старый порядок сгнил до корня, рухнул и придавил собою миллионы людей. И восстановить эту гниль, значит, бить самого себя обухом по голове» («Среди потухших маяков»). Более того, он приходит к мысли об общей ответственности за происшедшее с Россией, как с той, так и с др. стороны: «Психологический перевал и революции дома, и эмиграции здесь пройден уже, позади,— наступает медленная, тягелая и страшная ликвидация безумств, содеянных нами, не одними большевиками, но всеми нами». Немалую известность приносит Н. 3-томный роман **«Распутин»** (Лейпциг, 1923–24), в котором вина за революционные бедствия в России возлагается на правление Николая II, оказавшееся неспособным предотвратить угрозу. Богато насыщенный картинами известных драматических событий роман был переведен на мн. европейские яз. Эта же позиция писателя по отношению к власти, не смогшей удержать Россию от падения в революционную «прорву», находит свое выражение и в его последующих книгах **«Национальная слава и национальный позор: О Николае II»** (Брюссель, 1933) и **«Собачья республика»** (Тяньцзинь, 1935).

В 1926 Н. делает через советского консула в Париже безуспешную попытку вернуться в Россию. В 1934 в связи с этим же намерением он обращается с письмом к Сталину (также безрезультатно).

В эмиграции творчество Н. растекается по двум руслам: документальной прозы публицис-

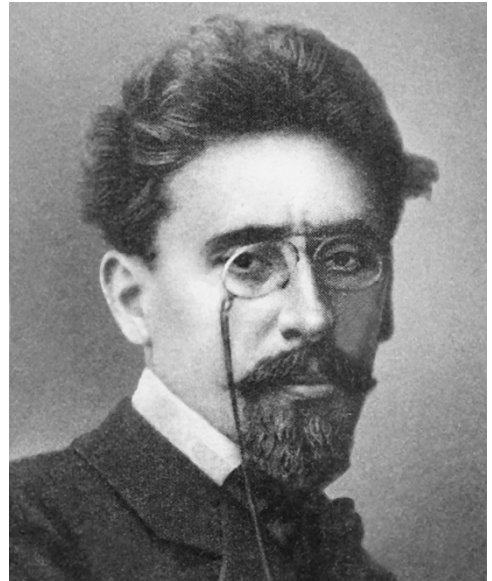
тического характера, касающейся в основном существования и идеалов русской эмиграции (например, **«Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову»**. Брюссель, 1930), и исторической романистики. На протяжении всего эмигрантского периода продолжается издание начатого еще в Москве СС (с 1911 по 1917 вышли тома 1, 4–8), выходящее разрозненно и непоследовательно в разных столицах Европы, а также в Китае, — последним, 49-м томом обозначен роман **«Софисты»** из жизни Греции V в. до н. э. (Тяньцзинь, 1935). Параллельно выходили книги и вне СС.

Основной пласт исторической романистики составляют романы из русского прошлого: **«Перун: Лесной роман»** (Париж, 1927); **«Казачи»** (Париж, 1928); **«„Глаголют стяги...“: Исторический роман из времен князя Владимира»** (Новый Сад, 1929); **«Бес, творящий мечту: Роман из времен Батые»** (Париж, 1929); **«Во дни Пушкина»**, в 3 кн. (Париж, 1930); **«Кремль: Хроника XV–XVI вв.»** (Новый Сад, 1931); **«Мужики»**, в 3 кн. (Тяньцзинь, 1938). Не менее обширен и пласт романистики, посвященной давней теме писателя — изображению религиозной жизни народа, в данном случае жизни прошлого, в периоды формирования и развития в ней духовных ценностей, повлиявших на дальнейший ход человечества: **«Иудей: Роман из жизни Рима в I веке»**, в 2 кн. (Рига, 1933); **«Лилии Антиноя»** (Брюссель, 1933); **«Расцветающий в ночи лотос: Исторический роман из времен Моисея»**, **«Евангелие от Фомы»** (оба — Тяньцзинь, 1935). Не забывал при этом писатель и своей современности в ее актуальном срезе — жизни русской эмигрантской диаспоры, которой он посвятил один из своих последних романов **«Молодежь»** (Тяньцзинь, 1938) — «о молодом поколении эмигрантов в Бельгии, студентах университета, их невзгодах и драмах жизни» (Трущенко Е.).

Соч.: В сумасшедшем доме. М., 1905; Под властью зверя. М., 1907; Красные маки: Мой дневник. М., 1912; «Эклезиаист» и другие рассказы. М., 1918; СС: в 3 т. М., 1995; Глаголют стяги...: Исторический роман, автобиография, Распутин. М., 1995; Казачи. М., 1997; Во дни Пушкина: Исторический роман: в 2 т. М., 1999.

Лит.: Полонский Вяч. Новые похождения Ивана Наживина // Печать и революция. 1923. № 2; Трущенко Е. И. Ф. Наживин // Писатели Русского зарубежья (1918–1940): Справочник. М., 1994. Ч. II; Куденис В. Наживин в Бельгии // Российский литературоведческий ж. 1994. № 4; Филин М. Судьба Ивана Наживина // Наживин И. Во дни Пушкина: Исторический роман: в 2 т. М., 1999. Т. 1.

А. И. Михайлов

С. А. Найдёнов

НАЙДЁНОВ (настоящая фамилия Алексеев) Сергей Александрович [14(26).9.1868, Казань — 5.12.1922, Ялта] — драматург.

Родился в богатой и многодетной семье купца 1-й гильдии. В 1886, исключенный из гимназии за посещение вечерних спектаклей, поступил в Московское музыкально-драматическое училище при Малом театре в класс А. И. Сумбатова-Южина и О. А. Правдина. С 1889 под псевдонимом Рогожин выступал на провинциальной сцене (Вологда, Владимир, Тверь, Уфа), но вскоре оставил театр.

В 1893 увлеченный проповедью Л. Н. Толстого Н. «сел на землю» в одной из толстовских колоний Уфимской губ., но вскоре разочаровался в толстовстве. Попытка заняться коммерцией, связанная с получением наследства, завершилась полным крахом. Тяга к театру, интерес к проявившимся тенденциям его обновления привели Н. на драматургическое поприще.

В конце 1900 в Москве Н. завершил сразу 3 драмы: комедию **«Дыхание весны»** (рукопись в СПбТБ), пьесы **«Культурный скит»** (рукопись в СПбТБ) и **«Дети Ванюшина»**. Комедия, действие которой происходит в женском монастыре, была запрещена цензурой как оскорбляющая нравственность. В пьесе «Культурный скит», навеянной недавним увлечением толстовством, поднимаются актуальные для интеллигенции философские и нравственные вопросы. Не сумев преодолеть традиций «старого театра», Н., тяготевший к «новой драме», был не удовлетворен